

2. Возвращение к истокам

К моменту возникновения «казуса» Н.Андреевой движение общества по пути самопознания достигло второго этапа, который И.Клямкин охарактеризовал как «зрелое желание понять» (в отличие от первого этапа, определяемого как «подростковое стремление переписать то, что было стерто»). История начала заполняться личностями — главным образом через литературу. Прежде чем обратиться к анализу процесса возвращения обществу его истории, отмеченного, как вехами, долгожданными реабилитациями, следует упомянуть об облегчивших его развитие шагах властей. Таковыми стали некоторые изменения в цензурной политике, ограничившие произвол Главлита в отношении любых печатных произведений и аналогичных органов — в отношении фильмов, театральных постановок и т.п., основанный на идеологических, политических, моральных и эстетических установках.

Начиная с 1986 — 1987 гг. роль цензуры постепенно была ограничена контролем за неразглашением «государственных тайн» (понятие, по правде говоря, в СССР довольно широкое, что позволяет цензорам избежать безработицы). Неприкосновенной долгое время оставалась тема Ленина. Поэтому, когда в январе 1988 г. в Советском Союзе был опубликован роман В.Гроссмана «Жизнь и судьба», в наиболее острых его эпизодах, например в тех, где проводились параллели между сталинским и гитлеровским тоталитаризмом, были сокращены критические фразы, направленные в адрес Ленина (на что тотчас же было указано в одной из газет человеком, который прочитал это произведение в «тамиздате»). Но уже с 1989 г. критика Ленина перестала быть запретной темой. Стала значительно мягче и цензура фильмов и театральных пьес. Свободе культурной жизни способствовала и реорганизация различных творческих союзов, органов прессы, телевидения и театров. На прошедшем 13 — 15 мая 1986 г. съезде Союза кинематографистов председателем Союза был избран Э.Климов, а прежнее руководство Госкино за семейственность на режиссерских курсах, а также «зажим» режиссеров-новаторов были подвергнуты жестокой критике, что стало примером для подражания. Вскоре последовали Учредительный съезд Союза театральных деятелей, на котором сторонник реформ драматург М.Шатров был избран секре-

тарем, и затем несколько более скромный съезд Союза писателей. Назначение главными редакторами ведущих журналов людей, активно выступавших за обновление общества (С.Залыгина, который принадлежал к кругу Твардовского, — в «Новый мир», Г.Бакланова — в «Знамя», В.Коротича — в «Огонек»), способствовало «оживлению» этих журналов, игравших важную роль в период хрущевской оттепели и затихших в 70-е гг. Начиная с осени 1986 г. эти издания буквально наперебой стали печатать все более и более смелые произведения.

Своего рода сигналом стала реабилитация поэта Н.Гумилева, расстрелянного в 1921 г. За ней последовали другие реабилитации, в частности писателей, принадлежавших к первой волне эмиграции (Г.Иванова, В.Ходасевича, В.Набокова), затем реабилитации авторов, репрессированных в 20 — 30-е гг. Лишь незначительная часть произведений этих авторов (Е.Замятина, Б.Пильняка, А.Платонова, М.Булгакова, О.Мандельштама и др.) была напечатана при их жизни или в период хрущевской «оттепели». Выход в свет произведений, ранее запрещенных цензурой, увеличился в 1987 — 1989 гг.: «Реквием» А.Ахматовой, «Софья Петровна» Л.Чуковской, «Доктор Живаго» Б.Пастернака и т.д. Наряду с этими, изданными во многих странах и ставшими классическими произведениями было издано множество неравных по качеству книг, написанных главным образом в 60 — 70-е гг., и иногда писателями вполне лояльными к режиму. Чаще всего эти произведения попадали под запрет из-за того, что затрагивали сталинскую тему. Ограничимся здесь наиболее заметными из них: «Дети Арбата» А.Рыбакова, «Белые одежды» В.Дудинцева, «Зубр» Д.Гранина, «Исчезновение» Ю.Трифоновой, «Жизнь и судьба» В.Гроссмана, «Ночевала тучка золотая» А.Приставкина и т.д. Помимо художественной прозы увидели свет многочисленные мемуары, документы, дневники: «Воспоминания» Н.Мандельштам, дневник К.Симонова «Глазами человека моего поколения», воспоминания Л.Разгона, А.Жигулина, Е.Драбкиной, И.Твардовского и т.д.

Кульминационной точкой процесса освобождения слова можно считать снятие запрета с творчества представителей «третьей волны» эмиграции, покинувших или изгнанных из СССР в 70-е гг., и вообще с диссидентства. В этом отношении заметным событием стало издание стихов И.Бродского, произведений А.Галича, В.Некрасова и особенно А.Солженицына. Помимо художественной литературы в процесс переосмысления прошлого и в идейные дискуссии 1987 — 1990 гг. большой вклад внесли литературная критика и публицистика, представители которых выступили с острополемическими статьями-размышлениями на политические, социальные и экономические темы. Среди наиболее ярких можно привести экономические и политологические эссе Н.Шмелева, Г.Попова, В.Селюнина и особенно многочисленные очерки о путях социализма, о корнях сталинизма, о значении и смысле происходящих преобразований И.Клямкина, Ю.Карякина, А.Ципко и др.

Начав с «толстых» ежемесячных журналов, тираж которых вырос в несколько раз (во всяком случае, у самых «либеральных»), гласность быстро распространилась и на другие источники формирования общественного мнения, менее элитарные и более доступные: на еженедельники, чьи паруса наполнял «ветер перемен», прежде всего «Московские новости» и «Огонек», на кино (с выходом антисталинских фильмов «Покаяние», «Завтра была война», «Холодное лето пятьдесят третьего...», «Власть соловецкая» или просто реалистических картин, без прикрас изображавших возвращение в обычную жизнь отвоевавших в Афганистане «воинов-интернационалистов», убогость будней или привилегии номенклатуры) и особенно на телевидение, некоторые передачи которого стали очень популярными благодаря их откровенности и свободному тону («Двенадцатый этаж», «Взгляд», «До и после полуночи», «Пятое колесо»). Эти передачи осмелились обратиться к самым жгучим и самым трагическим темам: потерянность молодежи, приведшая к росту наркомании, алкоголизма и преступности, экологические катастрофы Чернобыля, Арала и Волги, произвол бюрократии и т.п.